

Ханне, Джошуа и Элеанор

Слова благодарности

Я очень рада, что могу по достоинству оценить помощь и поддержку, которые получала во время создания этого труда. Университет Иллинойса всесторонне поддерживал меня, в том числе финансово, предоставив исследовательский грант и стипендию Факультета Меллона. Сотрудники Славянской библиотеки и Справочной службы университета, особенно Хелен Салливен, нашли и добыли крайне важные материалы; я ценю их на всем протяжении этого проекта. Я также благодарна Фонду Джона Саймона Гутгенхайма, Отделу зарубежных исследований и связей, Национальному совету по евразийским и восточноевропейским исследованиям, руководителям Программы VIII Государственного департамента США, в рамках которой финансируются многие эти организации и учреждения: они организовывали мои исследовательские поездки и позволили мне выделить время для работы над книгой.

Большая честь для меня выразить благодарность сотрудникам следующих архивов и библиотек: Государственный архив Российской Федерации, Центральный государственный архив Московской области, Российский государственный архив кинофотодокументов, Российский государственный архив социально-политической истории, Центральный архив города Москвы, Центральный государственный архив Санкт-Петербурга, Сочинский городской архив, Российская государственная библиотека (Москва), Российская национальная библиотека (Санкт-Петербург), Британская библиотека, библиотека Школы славянских и восточноевропейских исследований, Лондонский университетский колледж. Спасибо Обществу сравнительных общественных и исторических исследований за возможность поместить часть материалов,

впервые опубликованных в статье *Whose Right to Rest? Contesting the Family Vacation in the Postwar Soviet Union // Comparative Studies in Society and History*. 2009. Vol. 51. № 2. P. 401–425.

Мне оказывали поддержку, высказывая профессиональные суждения, такие специалисты, как Кристин Варга-Харрис, Рэндалл Диллс, Эрика Фрэзер, Мария Кристина Гальмарини, Людмила Кузнецова. Большую пользу принесли дискуссии, состоявшиеся в Лондоне, Шеффилде, Билефельде, Берлине и Санкт-Петербурге. Мне хочется выразить особую признательность тем, кто участвовал в занятиях Русского кружка и Исторического семинара при Университете Иллинойса, прежде всего следующим коллегам: Марку Стайнбергу, Джону Рэндольфу, Валерии Соболев, Лилии Кагановски, Харриет Мьюрев. Своими соображениями и источниками щедро делились Кристан Ноак, Эва Маурер, Джулиан Греффи. Льюис Сигелбаум, мой компаньон по путешествию через советскую историю, проявил себя как понимающий читатель и собеседник. Но главное, я хочу подчеркнуть то, какую большую роль сыграла в осуществлении этого проекта Энн Горсач. В последние десять лет мы совместно исследовали советский туризм, иногда работая в архивах буквально бок о бок, делясь идеями, источниками, вместе обедая. Более того, она стала моим первым читателем, бескорыстно давала советы, всегда безошибочные, и поощряла все мои занятия. Роджер Коенкер со своим неизменным добрым юмором наблюдал за тем, как я работаю над этой книгой, задавал наводящие вопросы и неизменно поддерживал меня.

Введение

Отпуск, туризм и парадоксы советской культуры

В ноябре 1966 года видные советские деятели рассказали корреспондентам одной из центральных газет, как им видится идеальный отпуск. Для экономиста А. Г. Аганбегяна, впоследствии ставшего одним из «архитекторов перестройки», это был сплав по сибирским рекам — связанная с трудностями, но укрепляющая организм встреча с дикой природой. Поэтесса Р. Ф. Казакова сожалела о том, что люди ее поколения (хотя она родилась в 1932 году, как и Аганбегян) не знают, что такое настоящий отпуск, и писала, что его проведению нужно учиться — и лежа на пляже, и скользя на лыжах между деревьев зимним днем. С. Антонов, слесарь, Герой Социалистического Труда, радовался тому, что ему полагается отпуск. «Отпуск предоставляется раз в год, и я стараюсь, чтобы не было во время отдыха ни одного “потерянного”, бесцельно проведенного дня. Конечно, важно, чтобы, кроме зарядки бодрости, на целый год оставались приятные воспоминания». С большим удовольствием он вспоминал о туристической поездке на Кавказ, совершенной два года назад, об увиденных им горах, долинах, городах. Антонов возил с собой мандолину, чтобы везде звучала музыка, и путешествовал с друзьями, чтобы всегда быть в хорошей компании¹.

Материал вышел в конце года. Чуть раньше газета провела опрос читателей, чтобы узнать, как они предпочитают проводить

---

¹ Комсомольская правда. 1966. 23 ноября.

летний отпуск — в санатории, дома или в туристической поездке, наслаждаясь видами и приключениями. Эта озабоченность ежегодным отпуском была одним из проявлений повышенного внимания, которое социологи, экономисты и политики начали уделять «проблеме досуга»: знак того, что время жертв прошло, что работа — не самоцель, а средство, позволяющее вести лучшую, более гармоничную жизнь, что свободное время не меньше, чем работа, влияет на формирование личности советского человека и что коммунизм станет реальностью, когда будут полностью удовлетворены желания советских людей, связанные с досугом и потреблением [Гордон, Клопов 1972; Грушин 1967]. В 1970–1975 годах инвестиции государства в транспортную и гостиничную инфраструктуру, предназначенную для проведения досуга, должны были увеличиться в четыре раза: число тех, кто проводил свой ежегодный отпуск вне дома, будь то внутри страны или за границей, как предполагалось, будет постоянно расти. Судя по высказываниям известных деятелей, приведенным выше, граждане СССР могли проводить отпуск по-разному, нагружая его разнообразными смыслами и ценностями.

Эта книга посвящена тому, как выглядел отпуск — включая туризм — в Советском Союзе с 1920-х до середины 1980-х годов, то есть на протяжении 60-летнего периода. Те, кто занимается советской историей, склонны в первую очередь делать акцент — что совершенно справедливо — на драматических эпизодах, связанных с насилием, репрессиями, страхом и раскрывающих весь масштаб бедствий, вызванных войной, политическими чистками и существованием системы лагерей. Советский режим, как известно, ограничивал передвижения граждан через паспортную систему и лишение свободы и, кроме того, насильственно переселял сотни тысяч людей под предлогом развития экономики. Но есть и другая сторона советской истории, о которой необходимо рассказать: это позволит лучше понять характер взаимоотношений между народом и государством, а также объяснить устойчивость коммунистического режима и его ценностей. История туризма и отпуска в СССР — это история о том, какого рода систему и общество коммунисты намеревались построить

изначально, каким они представляли и как создавали это общество, и, наконец, о том, как выглядела жизнь людей при социализме.

В центре внимания находятся три основных аспекта советского опыта. Во-первых, это смещение акцента с производства на потребление, вызывавшее много критики: как режим и граждане решали проблему перехода к «хорошей жизни» и сотрудничали, чтобы обеспечить этот переход. Во-вторых, это особое соотношение целесообразности и удовольствия, которое учитывалось при разработке советской политики в сфере отдыха и ее практической реализации. И в-третьих, это фундаментальный парадокс советской идеи: как и почему авторитарное государство поощряло автономию и самодостаточность граждан посредством таких инструментов, как отпуск и туризм.

Работы, посвященные истории туризма и отпуска на Западе, касаются роли потребления в современном капиталистическом обществе; соответственно, мы исследуем становление потребительской культуры в Советском Союзе. Само по себе потребление — это и индивидуализация, и экономическая деятельность, ведущая к росту национальной экономики. Известное высказывание А. Смита гласит: «Потребление — единственный конец и единственная цель всякого производства» [Smith 1937: 625]. Уже в первые годы существования СССР представлялось, что истинный коммунизм принесет с собой изобильную, благополучную жизнь и это оправдывает временные жертвы и низкий уровень жизни — положение, наблюдавшееся в СССР до 1950-х годов. Теоретики потребления говорят о «потребительной стоимости» и «знаковой стоимости» товаров: они тесно взаимосвязаны и оказывают влияние на выбор потребителя [Douglas, Isherwood 1979; Веблен 1984; De Vries 2008; Бодрийяр 2019]. Политика в области потребления, поначалу проводимая советскими властями, была нацелена в первую очередь на полезность: пропагандируя исключительно «полезное» потребление, они рассчитывали устранить «показное», что должно было привести к росту благосостояния советских граждан. Однако с самого начала существования СССР доступ к предметам потребления стал неотъ-

емлемой частью системы стимулирования, призванной поощрять выбор, который шел на пользу одновременно и гражданам, и государству. Лучшие рабочие, а также известные люди приобретали недоступные для других товары и услуги; это касалось и досуга. Предметы потребления, включая досуговые поездки, использовались государством также для того, чтобы сформировать образцового советского человека, культурного потребителя и культурного гражданина.

К концу 1950-х годов, после смерти Сталина, когда потребление признали одной из главных целей экономического развития, экономика уже была диверсифицирована до такой степени, что советские потребители могли позволить себе роскошь выбора товаров и услуг. Как отмечает С. Рид, этот выбор отражал их представления о самих себе, позволял выделиться достойным образом, позиционируя себя в качестве современных активных граждан [Reid 2006: 227–268; Осокина 1998; Gronow 2003; Hessler 2004; Siegelbaum 1988; Hilton 2011]. Данная книга наглядно показывает, как превращение человека в туриста, осваивающего правила социалистического отпуска, стало одним из путей, ведущих к «хорошей жизни» в ее советском понимании.

Одновременно такой подход к советскому туризму, рассматриваемому на всем протяжении существования страны, демонстрирует, каким образом централизованная плановая экономика чинила препятствия устремлениям и повседневным практикам людей, а также формировала их. Механизмы социалистической экономики хотя и обеспечили невиданный ранее рост производства и повышение качества жизни, особенно в послевоенный период, все же не могли удовлетворить постоянно растущий спрос населения. Экономика дефицита влияла на потребление досуговых услуг так же, как и товаров. Неспособность режима удовлетворить нужды людей в сфере потребления привела к реформам 1980-х годов, известным как «перестройка», которые парадоксальным образом приблизили конец утопических ожиданий, связанных с социализмом и централизованным планированием.

То, что в нынешнем капиталистическом мире называется «туризмом» или «отпуском», в СССР существовало в виде двух

различных явлений. «Отдых», как предполагалось, проводился в санатории на «курорте» или в доме отдыха на природе, предпочтительно рядом с водой. «Туризм» изначально подразумевал активный досуг, включая осмотр природных и рукотворных достопримечательностей при передвижении пешком, на велосипеде, байдарке или гребной лодке. С 1920-х по 1950-е годы нормой был отпуск, проведенный на курорте. До 1917 года состоятельные люди ездили на воды в Кисловодск или на море в Ялту, и одной из задач революции было обеспечение доступа трудящимся к этим благам. При создании новой системы ежегодного отпуска учитывался существующий опыт, и советским курортам пытались придать былую «аристократическую» ауру.

Однако советский туризм и отдых на советских курортах заметно отличались от того, что было прежде, своей высокой содержательностью. Отпуск должен был, в первую очередь, не приносить удовольствие, а позволить отдыхающим восстановить свои силы и здоровье, чтобы по возвращении еще энергичнее взяться за работу. Продуктивный, медицинский аспект отпуска, даже когда речь шла о туристах, оказался прочно укоренен в советской культуре путешествий; чаша весов обычно склонялась в сторону содержательности, а не удовольствия. Принятие солнечных ванн, например, было медицинской процедурой, которая осуществлялась под строгим наблюдением медицинского персонала. Участнику пешего тура требовалась медицинская справка, подтверждавшая, что он способен выдержать нагрузку. Качество отпуска, проведенного в доме отдыха, определялось количеством килограммов, набранных на здоровой диете. Предполагалось, что отпускники повышают свой культурный уровень, приобретают новые знания; в этом отношении они напоминали современных западных туристов, старающихся узнать побольше о местах, куда они направляются, и о культуре страны. «Недостаточно просто видеть, — указывает социолог Жан-Дидье Урбен. — Надо видеть как следует» [Urbain 1991: 65]. Только активное передвижение дает возможность туристу ощутить местные особенности и развить чувство прекрасного. Внутренний туризм, как при капитализме, так и при социализме, содействует воспитанию

патриотизма, когда человек посещает природные достопримечательности (Большой каньон или горы Дагестана) или места, связанные с национальной исторической памятью (поля боев во Фландрии или партизанские тропы Крыма). Советские туристические базы и здравницы предлагали культурные программы, которым отдавалось предпочтение перед «бездумными» развлечениями. Здесь они следовали в общем русле развития современного туризма, нацеленного на самосовершенствование человека.

Стремление «нагрузить смыслом» досуговые поездки и отдых было важным элементом советской отпускной политики, которая характеризовалась поиском содержательности. Культивирование советских ценностей и норм, как считалось, привело бы к искоренению «вульгарных», «буржуазных» потребительских практик. Активисты туристического движения и руководство здравниц должны были разработать соответствующие нормы и правила поведения, а также следить за их исполнением. Далее будет рассказано, как одним из эпизодов в истории советского туризма стало затяжное противостояние между активистами, пропагандировавшими активные, нелегкие и содержательные путешествия, для которых не было «ни одного “потерянного”, бесцельно проведенного дня», и чиновниками, полагавшими, что спокойный отдых — лучшее средство для восстановления сил после года работы. Однако к концу 1960-х годов последние предоставили сделать выбор потребителям, вероятно, в уверенности, что новый советский человек уже полностью сформировался и будет самостоятельно применять принятые в советском обществе нормы.

Исследователи туризма подчеркивают роль досуговых поездок в сплочении нации как при демократическом, так и при авторитарном правлении. Даже в странах с либеральным, демократическим режимом туризм и отдых имеют важное значение для государственного строительства. М. Шаффер отмечает, что в период с 1880 по 1940-е годы власти США активно пропагандировали туризм как ключевой элемент американского образа жизни; поездки представителей среднего класса положили начало национальной культуре туризма [Shaffer 2001: 2–6; Aron 1999: 130;

Brown 1995; Sears 1989]. Во многих местах государственные органы принимали деятельное участие в пропаганде туризма, видя в нем фактор экономического роста и средство распространения влияния страны за рубежом [Beckerson 2002: 133–157; Steward 2001: 108–134]. К. Энди, изучавший американскую программу отправки туристов во Францию в послевоенные годы, показывает, как простая заграничная поездка может содействовать достижению целей правительства внутри страны и за ее пределами. Отправка американцев в Париж была частью плана Маршалла, призванного возродить экономику Европы и сдержать распространение коммунизма. Но парадоксальным образом и, может быть, это предусматривалось планом, зарубежные поездки «далеко не всегда приводили к созданию новой транснациональной идентичности, чаще всего они укрепляли существующую национальную идентичность» [Endy 2004: 6, 49].

В XX веке агрессивные националистические режимы активно пропагандировали туризм и досуговые поездки, рассчитывая с их помощью сплотить общество, разделенное на различные слои. Государственные организации, образованные в фашистской Италии (*Dopolavoro*, дословно «после работы») и нацистской Германии (*Kraft durch Freude* (KdF), дословно «сила через радость»), разрабатывали и координировали многочисленные досуговые программы и мероприятия. Как пишет Ш. Барановски, в 1930-е годы *KdF* занималась организацией коллективных туристических поездок для среднего класса и рабочих Германии [Baranowski 2004; De Grazia 1981; Semmens 2005; Purs 2006: 97–115]. При их планировании отвергался принцип личного удовольствия и поощрялся коллективизм:

следовало наслаждаться возвышенным, культурным товарищеским общением с остальными участниками поездки, заниматься самообразованием, изучая искусство и архитектуру Античности, достигать внутреннего равновесия, готовясь возвратиться к работе, совершенствовать знание истории, расширять свои горизонты, отправляясь из родной деревни или региона в новые, необычные места [Baranowski 2004: 143].

В Советском Союзе «туризм» изначально вызывал подозрения именно из-за того, что он ассоциировался с игрой и удовольствием. Поэтому первые активисты туристического движения настаивали на том, что настоящий социалистический туризм должен быть суровым, аскетичным, связанным с физическими испытаниями. Буржуазный туризм — пакетные туры, фривольные отели — отвергался вместе со многими другими буржуазными практиками и клеймился как «мещанский». Отели, символизировавшие этот буржуазный подход, попросту не строились. Наподобие западных аристократов и Г. Джеймса, ранние адепты советского туризма отвергали обычный туризм как донельзя вульгарный [Buzard 1988; Urbain 1991]. Подлинный социалистический туризм должен был опираться на турбазы, состоявшие из недорогих палаток для проживания и нескольких центральных зданий, где размещалась столовая и проводились культурные мероприятия. В 1960-е годы такие турбазы больше напоминали скаутские лагеря, нежели обычные для капиталистических стран отели и пансионаты.

Однако было бы ошибкой делать вывод, что содержательный советский досуг исключал удовольствия или что они рассматривались как нечто чужеродное. Д. Кроули и С. Рид пишут: «Удовольствие было неотъемлемой частью коммунистической утопии, основанной на таких понятиях, как изобилие и удовлетворение всех потребностей» [Pleasures in Socialism 2010: 3]. Иными словами, потребление и удовольствие, тесно связанные друг с другом, были двумя составляющими советской мечты. Отличие от капитализма заключалось в том, что доступ к удовольствиям имели все граждане, а не только элита: в этом состоял один из основополагающих принципов нового общества. «Право на отдых» было прямо закреплено в Конституции СССР 1936 года. Отдых, проведенный вне дома, был не только способом восстановить физическую форму, но и возможностью получить новые знания и опыт, а также ощутить себя частью большого народа. Поездка на отдых порождала, кроме того, ожидание и волнение, а последующие воспоминания доставляли удовольствие в течение целого года (о чем с энтузиазмом говорил слесарь Антонов). Порази-

тельные виды, современные городские пейзажи, обильное питание, купание в теплом море под лучами солнца, захватывающие поездки в горы или катание на моторной лодке вдоль берега, ночные танцы и киносеансы и даже возможность испытать любовное приключение — все это резко контрастировало с повседневностью. Советские отпускники и туристы рассыпались в похвалах своему отдыху.

В данной истории отдыха и туризма рассматривается парадокс: как осуществлялось потребление в социалистическом обществе, целью которого были индустриальные свершения? Демонстрируется, что потребление всегда являлось одной из важнейших составляющих советской мечты. Советские отпускные практики представляли собой парадоксальное сочетание удовольствия и содержательности. Но главный парадокс, который находится в центре внимания, выглядит так: каким образом политика и практики в сфере отпуска и туризма открыто поощряли личную автономию в государстве, основанном на принципах коллективизма? В данной книге изучается процесс становления «нового советского человека», *Homo Sovieticus*, который обычно виделся образованным, инициативным, готовым прийти на помощь, примерным членом коллектива: первоочередной целью советского туризма и было создание такого человека. Все это вело к появлению лояльных граждан, признававших и ценивших существующий режим, который поощрял стремление к приобретению нового опыта и саморазвитию.

Исследователи туризма на Западе подчеркивают его важность для формирования независимого, уверенного в себе среднего класса [Mackaman 1998; Koshar 2000; Being Elsewhere 2001; Palmowski 2002: 105–130; Young 2002: 169–189]. Туризм создавал, пользуясь определением Дж. Урри, «эстетических космополитов», считающих, что они имеют право совершать поездки куда угодно, проявляющих любопытство и открытость, когда речь шла о путешествиях, способных поместить свою страну в более широкий историко-географический контекст [Urry 1995: 167]. Эти путешественники, принадлежавшие к среднему классу, отличались от своих аристократических предшественников времен Гран-тура

тем, что придавали большое значение приложению усилий и содержательности. Р. Кошар напоминает, что английское слово *travel* происходит от *travail* — «страдание» или «тяжелый труд». «Туризм обретает смысл там, где есть усилия, контакты и взаимодействие» [Koshar 2000: 8]. Для Кошара и социолога О. Лёфгрена туризм — это прежде всего «практика, выделяющая человека из ряда ему подобных»: перемещения и опыт пребывания в различных местах способствуют формированию новых свойств характера, часто связанных с большей открытостью. Лёфгрен так пишет об отпуске, проводимом вдали от дома:

Я считаю отпуск культурной лабораторией, в которой человек экспериментирует с новыми чертами своей личности, своих отношений с другими членами общества и природой, а также применяет важные культурные навыки — фантазирование и путешествие в мыслях... Отпуск — одна из немногих утопий, которые мы еще можем воплотить в жизнь [Koshar 2000: 204; Löfgren 1999: 7].

В советском туризме действовали иные правила, нежели прописанные Лёфгренем нормы для среднего класса: поощрялись групповые поездки, на первый план выдвигалась роль коллектива. Это относилось даже к пребыванию на курортах, куда (согласно торжествующим пропагандистским заявлениям) съезжались люди со всех концов Советского Союза, знакомясь друг с другом и вместе восстанавливая силы в процессе культурного отдыха. Туристические поездки неизменно были групповыми — это могли быть небольшие самоорганизованные компании бывалых туристов или же группы из двадцати пяти, ста, двухсот человек — стандартные числа для коллективной поездки. Выбор этих чисел отчасти объяснялся логистикой: руководители туристической отрасли полагали, что легче распланировать все для коллектива из двадцати пяти человек, чем принимать во внимание множество индивидуальных предпочтений. Групповой туризм облегчал наблюдение, особенно за границей. Это было и вопросом идеологии: туристы и отдыхающие учились не только ставить палатки и разжигать костер, но также объединяться в коллектив

и успешно трудиться в суровых условиях вместе с новыми знакомыми. Акцент на коллективное времяпровождение может означать, что туризм и досуг рассматривались прежде всего как средства доминирования. Действительно, составители сборника статей о культуре удовольствия в нацистской Германии утверждают, что развлечения, народные праздники и т. п. могут служить интересам государства, создавая стабильное и лояльное этнонациональное сообщество [Pleasure and Power in Nazi Germany 2011: 1–9].

И тем не менее приобретение навыков коллективного существования вело, как ни парадоксально, к осознанию своей индивидуальности и повышению уверенности в себе; задача создания советского человека с неповторимыми личными особенностями играла ведущую роль в установлении норм и ценностей, относящихся к отпуску². Советский туризм иллюстрирует «парадокс Лефора», который А. В. Юрчак определил следующим образом:

Советского гражданина призывали полностью подчиниться партийному руководству, культивировать коллективистскую мораль, подавлять индивидуализм, но в то же время становиться просвещенным, независимо мыслящим индивидом, стремящимся к знаниям, пытливым и творческим человеком [Yurchak 2006: 11]³.

Следуя строгим правилам, установленным партией для туриста (выразившись, например, в условиях получения значка «Турист СССР») или отпускника (отраженным в стандартном режиме курортного заведения), советский турист мог прийти к подлинной самореализации. Данная книга показывает, как возникло противоречие между намерениями государства, видевшего

---

² Об особенностях советского коллективизма см. [Kharkhordin 1999].

³ Юрчак опирается здесь на труды французского философа К. Лефора, исследовавшего парадокс, присущий современной идеологии в целом: разрыв между просвещенческими идеалами и реальными нуждами современной государственной власти, а также необходимость принятия всеми «объективной истины», якобы не имеющей отношения к власти. См. [Lefort 1986: 10–11].

в досуговых поездках средство воспитания лояльных подданных, и усилиями граждан, которые стремились с помощью этих поездок укрепить свое личное благосостояние.

История отпуска и туризма в СССР в целом является частью истории современного туризма в широком смысле, включая такие его аспекты, как потребление, национальное сплочение и самореализация человека. Философ и культуролог Д. Маккеннелл отмечает: «“Турист” — одна из лучших моделей, доступных современному человеку в целом» [MacCannell 1999: 1]. При этом у «советской модернизации» — поиска социалистического, коммунитарного пути, ведущего в современность, — имелись собственные отличительные черты и предметы особого внимания. Стремление наполнить смыслом туристические поездки привело к созданию в 1927 году Общества пролетарского туризма, призванного пропагандировать туризм среди широких масс трудящихся, а также разработать особую, социалистическую разновидность сознательной досуговой поездки. «Пролетарский туризм» понимался как массовое движение, в которое с пользой для себя мог влиться каждый. Дома отдыха и курорты стали доступны в первую очередь пролетариям, новому правящему классу: то были осязаемые плоды победы пролетариата над дворянством и буржуазией. Отличительные черты советского туризма и отдыха — упор на медицинское обслуживание, привилегии для промышленных рабочих, преимущественно групповые поездки, содержательность — свидетельствовали о попытке создать социалистическую разновидность досуговой поездки, уникальную и притом передовую.

Изучая историю туризма с момента создания первой массовой организации в 1927 году и до середины 1980-х годов, можно наблюдать, как потребление услуг, связанных с досуговыми поездками, способствовало возникновению и закреплению новых социальных различий и даже расслоению внутри советского общества. Однако — вот еще один парадокс — к 1960-м годам идеальным объектом советской политики стал не промышленный рабочий, а потребитель, принадлежавший к среднему классу. Туризм и отдых в СССР сделали массовым явлением,

но к этому времени оказалось, что «массы» — это советский средний класс, то есть интеллигенция. Доступ к досуговым поездкам — шла ли речь о турпоходах или курортном времяпровождении — получали и активно стремились получить в первую очередь обладатели значительного культурного багажа, представители образованного среднего класса, ряды которого стали заметно пополняться во второй половине XX века, особенно в 1960-е годы. Термин «буржуазия» оставался под запретом, обозначая классового врага, но позднесоветские отпускники и туристы относились именно к буржуазии, принадлежа к городской культуре с ее ценностями: преуспеванием в пределах допустимого, умеренным потреблением, культурностью, тягой к знаниям, осознанием своего права на комфорт, известным набором услуг и маленькими удовольствиями. Эта «среднеклассовая» реальность на протяжении большей части 1960-х годов сосуществовала наряду с идеалом аристократического отдыха на курорте. Затем организаторы туристических и отпускных поездок стали отказываться от громадных «дворцов наслаждений» в пользу более утилитарных типовых гостиниц.

Институциональные структуры, обеспечивавшие туризм и отдых в СССР, также отличались от того, что имелось на Западе и в царской России. Соответствующие услуги с самого начала оказывались либо Народным комиссариатом здравоохранения, либо Обществом пролетарского туризма (формально — добровольной организацией). Туризм в СССР, в отличие от других стран, был не отраслью экономики, а общественным движением. Позже туризм и курортный отдых перешли в ведение Всесоюзного центрального совета профессиональных союзов (ВЦСПС), который должен был заботиться о благосостоянии народа в широком смысле слова. На протяжении всего советского периода способность государства обеспечивать досуговые поездки намного уступала спросу со стороны граждан, и все громче звучали голоса тех, кто предлагал улучшить организацию дела, переводя его на коммерческую основу. До самого крушения социализма, несмотря на постоянно крепнущие призывы создать «туристическую отрасль», отдых в СССР организовывался, фи-

нансировался и предоставлялся местными профсоюзами, формально не являвшимися частью государства, но в то же время действовавшими вне рынка.

В книге прослеживается история отдыха и туризма в СССР начиная с 1920-х годов, когда начала создаваться курортная инфраструктура и было образовано Общество пролетарского туризма. В главе первой рассматриваются принципы, изначально положенные в основу советского курортного отдыха (восстановление сил под присмотром врачей в интересах производства). Однако на протяжении 1930-х годов задачи такого «медицинского» отдыха начинают меняться, все больше внимания уделяется получению удовольствия. В главах второй и третьей рассказывается о начальном периоде существования советского туризма (1920-е и 1930-е годы) и его превращении из добровольного движения в услугу, оказываемую профсоюзными организациями. В главе второй подробно описываются идеологические функции советского туризма — попытки придать значение досуговым поездкам пролетариев — и его институциональная история, отражавшая соперничество между различными ведомствами в сталинскую эпоху. Глава третья посвящена в первую очередь практической стороне советского туризма, тому, какие именно поездки совершались и кто был их участником. По моему мнению, к концу 1930-х годов в стране начали появляться современные виды проведения досуга, которых жадно искали новая советская элита и формирующийся средний класс: «медицинские» задачи были подчинены получению удовольствия. Как указывают другие исследователи, понятие «хорошей жизни» получает распространение именно в 1930-е годы [Gronow 2003; Фицпатрик 2001; Pleasures in Socialism 2010]. Великая Отечественная война затормозила этот процесс, но не изменила его сути. Глава четвертая касается отдыха и туризма в послевоенные годы. Главной задачей в этой сфере было восстановление разрушенного во время боев; общее направление развития было задано еще до войны, и об изменении структуры, содержания и смысла отдыха почти не заботились.

Три последние главы посвящены периоду с середины 1950-х годов до перестройки, когда происходило сближение двух прин-

ципально разных видов проведения досуга — курортного отдыха и активного туризма. В главе пятой показано, как пребывание на курорте превратилось из лечения в объект желания потребителей. Несмотря на развитие туризма и появление новых маршрутов, курортный отдых оставался золотым стандартом для многих советских граждан, особенно промышленных рабочих.

В главе шестой говорится о расширении географии советского туризма, которое стало особенно заметным в 1960-е годы, и о первых зарубежных туристических поездках. С 1955 года стали организовываться групповые туры в социалистические, а иногда и в капиталистические страны. По своим масштабам зарубежный туризм был не сравним с внутренним, но, как я полагаю, выезды советских туристов за границу решительным образом, хотя и не сразу, изменили культуру отдыха в СССР. Туристическая индустрия в Восточной Европе опиралась на солидную довоенную базу: отели и связанные с ними службы, рестораны, хорошо подготовленные гиды были обычными атрибутами «буржуазного» туризма. Советские туристы и чиновники, ведавшие отраслью, усваивали эти «буржуазные» практики, и отношение к запросам потребителей в отношении разнообразия, комфорта, качества услуг и семейного отдыха становилось все более позитивным⁴.

В главе седьмой рассматривается процесс создания в СССР полноценной туристической отрасли, под влиянием зарубежных образцов и растущего уровня жизни. В начале 1980-х годов он

---

⁴ В том, что касается освещения туризма в послесталинскую эпоху, я многим обязана Э. Горсач, проанализировавшей в своей работе [Gorsuch 2011] попытки узнать и понять Запад, предпринимавшиеся в СССР после войны. Горсач начинает с внутреннего туризма, затем переходит к поездкам в «почти европейские» республики — Эстонию, Латвию, Литву — и, наконец, к вояжам в Восточную и Западную Европу. На примере туризма она пытается понять суть хрущевской политики, подразумевавшей большую открытость по отношению к миру, и анализирует реакцию советских туристов на встречу с «другими» — представителями Запада. Горсач сосредотачивается исключительно на туризме, тогда как в моей работе рассматриваются досуговые поездки в целом, включавшие в себя и пассивный отдых, и активный, то есть туризм. Для Homo Sovieticus было чрезвычайно важно получить свой ежегодный отпуск, будь то отдых на море или туристическая поездка.

был далек от завершения. Суть его состояла в том, чтобы строить гостиницы вместо санаториев и следовать вкусам потребителей, а не пытаться формировать их. Следует отметить еще два обстоятельства: во-первых, сближение пассивного отдыха с туристическим, во-вторых, постепенное расхождение между ценностями, которые связывало с туризмом государство, и теми, которые закладывали в него сами туристы и отдыхающие.

Повествование заканчивается на середине 1980-х годов. Реформы, начатые в 1986 году в рамках перестройки, привели к изменению экономической структуры, обеспечивавшей досуговые поездки. Первой из них стало разрешение на создание кооперативов, призванных предоставлять разнообразные потребительские услуги. Затем последовало образование совместных предприятий с компаниями из капиталистических стран в области туризма и транспорта, а также в других сферах: это еще больше изменило привычную инфраструктуру советских досуговых поездок. Однако реформы потерпели неудачу, что внесло свой вклад в падение уровня жизни и стало одной из причин отказа государства субсидировать отдых граждан. Перестройка, на которую так надеялись экономисты вроде А. Г. Аганбегяна, лишила советских людей возможности путешествовать — той, которую будущий «архитектор перестройки» воспевал в 1966 году. К концу существования СССР досуговые поездки стали не по карману большинству жителей страны, притом что каждый теперь имел право свободно выезжать за границу. Этот новый парадокс еще ждет своих исследователей.

Глава первая

Починка человеческого мотора

В СССР, где была официально принята марксистская теория трудовой стоимости, труд прославлялся как основа личного достоинства и средство создания общества, где царит изобилие. Труд, умственный либо физический, был обязанностью каждого гражданина. Считалось, что он облагораживает и является высшим призванием человека. Однако труд изнашивает организм — и поэтому неотъемлемой частью социалистической экономики, наряду с созданием условий для продуктивной работы, являлся продуктивный отдых. Восьмичасовой рабочий день, один-два выходных в неделю, ежегодный отпуск — такими были три основания зарождавшейся советской системы восстановительного и оздоровительного отдыха.

Ежегодный отпуск был самым оригинальным из советских изобретений, нацеленных на повышение благополучия трудящихся. Трудовой кодекс 1922 года провозглашал — впервые в мире — право на ежегодный двухнедельный отпуск для всех, кто трудился по найму и проработал непрерывно не менее одиннадцати месяцев. Еще в 1919 году власти приступили к созданию отпускной инфраструктуры, призванной принести трудящимся максимальную пользу во время ежегодного восстановления¹. Курорты, по словам наркома здравоохранения Н. А. Семашко, должны были стать «ремонтными мастерскими для восстано-

---

¹ Декрет от 4 апреля 1919 года предусматривал национализацию всех курортов и прочих учреждений здравоохранения [Гольдфайль, Яхнин 1928: 10].

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru